

УДК 908.481-922.1(091)

Спор о Шпицбергене: точка не поставлена

© **Порцель** Александр Константинович, кандидат исторических наук, доцент Мурманского государственного технического университета. *Приоритетные темы исследований:* история освоения Русского Севера и Арктики, геополитические проблемы в Арктике, российско-скандинавские отношения на Европейском Севере и в Арктике. Контактные телефоны: (8-8152) 45-87-54, моб. 8-921-28-946-38. E-mail: portsel@inbox.ru.

Спор о Шпицбергене имеет давнюю историю. Его можно разделить на ряд вопросов, каждый из которых последовательно выходил на первый план в различные исторические периоды. Серьезные экономические и политические противоречия между Норвегией и остальными участниками Парижского договора существуют объективно как в «шпицбергенском квадрате», так и на самом архипелаге. Подписание российско-норвежского Договора о разграничении морских пространств и сотрудничестве в Баренцевом море и Северном Ледовитом океане (2010 г.) не устранило их.

Ключевые слова: *Шпицберген, международно-правовой статус архипелага, история открытия и освоения архипелага.*

Dispute about Spitsbergen: the issue hasn't been settled yet

© **Portsel** Alexander, Ph.D in History, associate professor of Murmansk State Technical University. *Priority research themes:* history of mastering the Arctic and Russian North, geopolitical problems in the Arctic, russian-Scandinavian relations in the Arctic and European North. Contact Phone: (8-8152) 45-87-54, 8-921-28-946-38. E-mail: portel@inbox.ru.

Abstract

Dispute on Spitsbergen has a long history. It can be divided into a number of questions, each of which has consistently come to the fore different historical periods. Severe economic and political contradictions between Norway and the rest of the Treaty of Paris exist objectively as the "Spitsbergen square" and on the archipelago. Signing of Russian-Norwegian Agreement on Maritime Delimitation and cooperation in the Barents Sea and Arctic Ocean (2010), not eliminate them.

Key words: *Spitsbergen, the international legal status of the archipelago, the history of discovery and exploration of the archipelago.*

В начале XXI века Шпицберген привлек к себе повышенное внимание политиков, ученых, хозяйственников, журналистов. Во многом это обусловлено позицией Норвегии, активизировавшей на рубеже XX–XXI вв. свою «арктическую экспансию». Норвежцами разработана программа развития северных территорий, получившая название «Баренц-2020». По заявлению политиков, данный план станет основным, определяющим политику Норвегии в арктических районах. Презентация проекта была проведена 10 ноября 2005 года в университете

города Тромсе. В докладе МИД Норвегии № 30 (2004–2005 гг.) стортингу отмечено, что Шпицберген является ключевым объектом в «высокоширотной северной политике» Норвегии, а последняя, в свою очередь, «занимает уже в течение длительного периода центральное место в политике Норвегии» [1, с. 9].

Россия имеет на архипелаге давние экономические интересы, которые признаны Норвегией. В водах архипелага российские суда ведут интенсивный рыбный промысел. Нельзя не учитывать и перспективы открытия в районе Шпицбергена новых месторождений полезных ископаемых. «Несколько лет назад руководство Совета по изучению производительных сил (СОПС) уже обращало внимание министерств, прежде всего государственного заказчика-координатора ФЦП «Мировой океан» на то, что на политико-экономических и правовых проблемах Шпицбергена следует сфокусировать специальные научные исследования, и на их основе подготовить научно обоснованные рекомендации к реализации экстренных мер в этом сегменте арктической политики России. К сожалению, практического и позитивного ответа тогдашнего руководителя ведомства на это обращение не было получено. Теперь, хотя и с очевидным опозданием, осознана важность для России проведения углубленного анализа складывающейся экономической и правовой ситуации вокруг Шпицбергена, прежде всего – морских районов, прилегающих к этому архипелагу», – отмечал в 2006 г. председатель СОПС академик РАН А.Г. Гранберг [1, с. 5]. Россия не может безразлично относиться к развитию событий в этом регионе, она заинтересована в поддержании здесь международно-правового режима, основанного на мирном и разностороннем сотрудничестве государств. Вопросы международно-правового статуса архипелага и прилегающих к нему районов Северного Ледовитого океана являются предметом активных исследований как отечественных, так и зарубежных исследователей. Эти вопросы не раз ставились на научных конференциях различного уровня, в том числе и в начале XXI века.

Спор о Шпицбергене имеет давнюю историю и его можно разделить на ряд вопросов, каждый из которых последовательно выходил на первый план в различные исторические периоды.

1. Кто открыл архипелаг?

До начала XVII в. главным был вопрос о том, кто открыл архипелаг, так как право первооткрывателя было основой для владения территорией. Начинается этот спор с вопроса о том, кто и когда открыл архипелаг. Официально считается, что это сделал в 1596 г. В. Баренц, который и дал название Шпицберген. Но фактически никто не отрицает, что архипелаг был открыт задолго до экспедиции голландского мореплавателя. На лавры первооткрывателей выдвигали представителей различных стран (например, баскских китобоев).

Но основные споры историки ведут о приоритете представителей двух сообществ: русских поморов и скандинавских (норвежских) викингов. Норвежцы и ряд иных зарубежных авторов ссылаются на запись в исландских сагах, где под 1194 годом записано: «открыли Свальбард». Но единого мнения о том, что скрывается за этим названием, у исследователей нет. Сторонники того, что первыми архипелаг открыли поморы, имеются не только в России, но и

за рубежом. В частности, норвежский геолог Б. Кейлхау считал, что поморы появились на этих берегах уже в XIII веке. Французский ученый В. Романовский высказал мнение, что поморы открыли архипелаг еще в X веке. Академик С.В. Обручев утверждал, что русские промышляли и зимовали на Груманте (как называли архипелаг поморы) в XV веке. [2, с. 31, 34].

По картографическим материалам и неподтвержденным иностранным письменным источникам их присутствие на Груманте прослеживается с начала XV века. В 1493 году немецкий ученый И. Мюнцер (Монетариус) сообщал в письме португальскому королю Хуану II, что «немного лет назад под суровостью звезды арктического полюса вновь был открыт большой остров Грунланда, берег которого тянется на 300 легуа, на котором находится величайшее поселение людей под господством синьера герцога Московии». Об этом же сообщал в 1528 году королю Дании и Норвегии Кристиану II датский адмирал Северин Сорби, посетивший Москву [2, с.40]. Подобные высказывания в переписке суверенов в то время означали фактическое признание на международном уровне факта занятия поморами архипелага. На европейских картах фигурировали острова архипелага, носящие явно русские названия (например, на карте Г. Меркатора 1569 года – «Святые русские»). На «Карте Северных земель», датированной концом XVI – началом XVII вв., острова обозначены надписью «Русская земля». Архипелаг значится как русское владение в «Универсальном словаре истории и географии» М. Буйле, изданном в Париже в 1852 г., в «Справочнике по землеведению» Г.А. фон Кледена, изданном в Берлине в 1862 году и в других иностранных источниках [1, с. 14].

На острове активно велась поморская промысловая деятельность, которая приносила немалые доходы в московскую казну. Но, несмотря на все это, ни Иван III, ни Василий III, ни Иван Грозный не предприняли никаких действий, чтобы закрепить российские права на архипелаг. По крайней мере, документов, которые бы свидетельствовали о каких-либо шагах русского правительства в этом направлении, не выявлено. Более того, и в дальнейшем все прошения русских поморов о закреплении за ними прав на промысловые угодья на Груманте, чтобы защититься от притязаний иностранных конкурентов, оставались без всяких последствий со стороны московских властей. Это тем более кажется странным на фоне активности, которую предпринимала Москва, чтобы закрепить за собой новые владения в Сибири. Подобная пассивность Москвы прослеживается и далее.

В 1596 году В. Баренц открыл неизвестную ему землю, которую он назвал Шпицберген. На одном из островов был установлен столб с государственным гербом и заявлено о присоединении архипелага к Голландии. Об этом оставшиеся в живых участники экспедиции сообщили лишь через год. Никаких протестов и заявлений со стороны России сделано в связи с этим не было. В Москве просто не заметили (или сделали вид, что не заметили) притязаний голландцев на архипелаг. Вслед за голландцами свои притязания предъявили и иные европейские правители. Так, в 1612 году англичане уничтожили голландский столб, заявив, что остров открыт в 1553 году их соотечественником Уиллоуби, и переименовали архипелаг в Новую Землю Короля Якова.

Во втором десятилетии XVII века разгорелась целая европейская война за право обладать Шпицбергенем. В ней участвовали англичане, голландцы, датчане, ганзейцы. Все они исходили в обосновании своих притязаний из права первооткрывателей. В результате в 1617 году заинтересованные страны заключили соглашение о разделе сфер влияния на архипелаге. Но формальные акты европейских правителей не были подкреплены созданием здесь постоянных поселений. Поэтому, как отмечает украинский исследователь А.Д. Тимченко, это является «фактом фиктивной оккупации», а «она правоустанавливающего значения не имеет» [3, с. 12]. Такую же позицию высказывали в начале XX века официальные русские лица (например, архангельский губернатор А.Ф. Шидловский). Трудно предположить, что об этих событиях в XVII века не знали (или хотя бы не слышали) в Москве. Но вновь Россия никак не участвует в полярном конфликте и никаких претензий на архипелаг не предъявляет. Правительству молодого Михаила Романова было не до арктических владений. По крайней мере, никаких следов дипломатической активности в отношении Груманта в это время не прослеживается.

Таким образом, поскольку обосновать права на владение архипелагом, ссылаясь на приоритет первооткрывателя, никому не удалось, то в качестве аргумента для обоснования притязаний на суверенитет выдвигается вопрос о том, кто раньше и активнее других вел здесь хозяйственную деятельность и экономически освоил архипелаг.

2. Кто осваивал архипелаг?

В XVII–XIX вв. преимущественно спорили о том, кто осваивает Шпицберген – это вело к экономическому разделу архипелага. Присутствие русских поморов прослеживается на Шпицбергене по археологическим данным с XVI века. Это раскопанные остатки их зимовий и многочисленные предметы быта и орудий промысла. Достоверных же следов пребывания и деятельности на архипелаге представителей других стран (включая скандинавов) нет вплоть до XVII века. В 1620 году был закрыт «Мангазейский ход», чтобы не показывать европейцам морской путь в Сибирь. С этого времени резко возросла промысловая активность поморов на Груманте. Они стали единственными круглогодичными обитателями архипелага, регулярно оставаясь здесь на зимовки. Никто из иностранцев не рисковал зимовать на Шпицбергене. И вновь не видно никаких внешнеполитических усилий Москвы, чтобы закрепить права поморов на архипелаге. Вряд ли русское правительство считало, что никакой угрозы иностранной экспансии в полярных морях нет (вспомним решение о Мангазее). Видимо, московские власти предпочитали делать вид, что не знают (или не хотят знать) о делах в Арктике, поскольку реальных военно-морских сил для защиты русских интересов в Баренцевом море просто не было.

В XVIII веке архипелаг стал зоной бурной хозяйственной активности. Но если европейцы в основном облюбовали западное побережье о. Большой Шпицберген, то поморы предпочитали вести промыслы на восточных и южных берегах архипелага. Поэтому особых конфликтов из-за раздела «экономических зон» у россиян не возникало. Возможно, в силу этого Петербург не предпринимал шагов для закрепления прав на архипелаг.

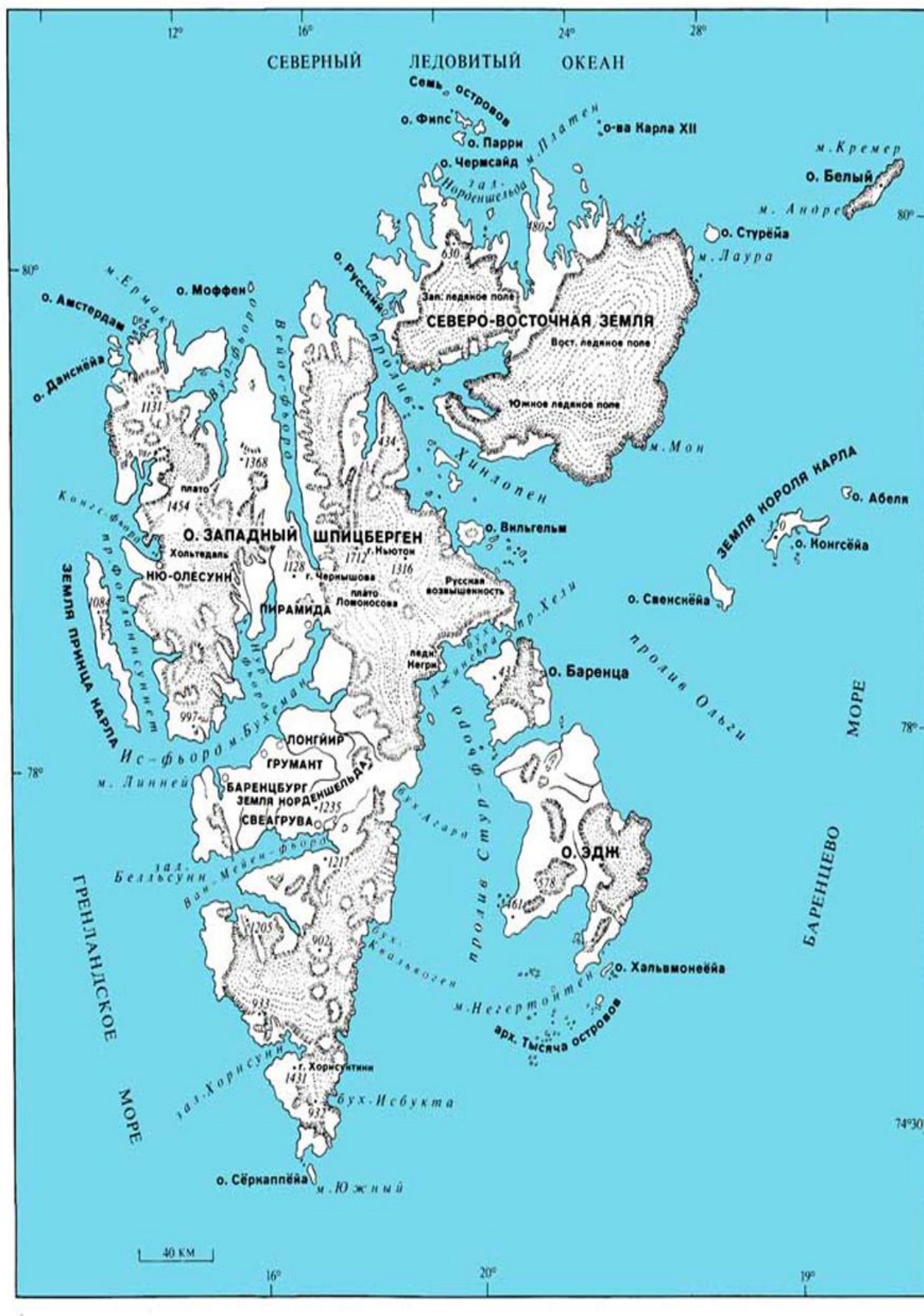

Рисунок 1. Карта Шпицбергена.

URL: <http://barentsburg.narod.ru/Image/MAP.jpg>

Лишь в конце XVIII века экспедиция В. Чичагова положила начало попыткам закрепить российское присутствие в Арктике. Уже тогда наметился механизм этой политики: сначала активизация хозяйственной деятельности, затем шаги по научному изучению интересующего района, и лишь после этого – шаги политические. Но до политических шагов в XVIII веке дело у российской стороны не дошло. Этому благоприятствовало и то, что «хозяйственная горячка» у европейцев пошла на спад ввиду почти полного истребления в водах архипелага основного объекта промысла – китов.

Зато в самом конце XVIII века активизировали свои походы к Шпицбергену норвежцы. Их интересовали те же объекты промысла, что и русских поморов. В первой половине XIX века к активно хозяйствующим здесь россиянам и норвежцам присоединились англичане. И опять, несмотря на явную угрозу английских притязаний на западный сектор Арктики (вспомним нападение на Колу в 1809 году), Петербург не делает попыток закрепить свои права на острова в Баренцевом море. Наоборот, именно тогда, в 1826 году было так проведено разграничение с Норвегией на Кольском полуострове, что часть русских земель перешла к соседям.

С 30-х годов XIX века русские промыслы на Груманте начинают приходить в упадок, а с 50-х гг. XIX столетия они пришли в запустение. После разорения Колы в 1854 году внимание русских поморов все больше переключалось на торговые операции с Финнмарком. А поморское судостроение без государственной поддержки оказалось неспособно конкурировать с норвежскими верфями. В итоге поморы почти перестали посещать Грумант.

Во второй половине XIX века на Шпицберген зачастили научные экспедиции. Их результаты породили у предпринимателей серьезные надежды на возможность добычи полезных ископаемых на архипелаге. Особое внимание привлекли запасы угля, необходимого для развивавшейся промышленности. Рост экономического интереса привел к началу политической борьбы за обладание архипелагом. Обоснованием претензий на суверенитет стала ссылка на давнюю и активную хозяйственную деятельность на архипелаге.

3. Кому принадлежит архипелаг?

С конца XIX века в связи с началом промышленной добычи угля был поставлен вопрос о том, под чьим суверенитетом находится архипелаг и каковы условия этого суверенитета. Первая попытка определить международно-правовой статус Шпицбергена была предпринята в начале 70-х гг. XIX века. 17 марта 1871 года Шведско-Норвежское правительство направило ноты правительствам России, Великобритании, Франции, Германии Дании, Нидерландам, где выражало официальное намерение «вступить во владение» архипелагом Шпицберген. При этом признавалось, что «на дату ноты на Шпицбергене не было и нет поселений Норвегии». Право же на присоединение обосновывалось активной экономической деятельностью норвежцев на архипелаге [1, с. 18]. В ответе Петербурга, в частности, отмечалось: «Представлялось бы более практичным не рассматривать их (вопросы о праве владения одной из держав – А.П.), а ограничиться сложившейся к настоящему времени ситуацией, при которой, по молчаливому согласию между правительствами, данная группа островов считается территорией,

по которой решение не принято, доступной всем Государствам, чьи подданные стремятся использовать там природные ресурсы» [1, с. 18]. Так впервые официально было сформулировано принципиальное положение российской стороны, которого в дальнейшем постоянно будет придерживаться МИД России в вопросе о принадлежности Шпицбергена: архипелаг не может быть объектом исключительного владения какого-либо государства, а подданные и компании всех государств имеют здесь равные права в социально-экономической и научной деятельности, которая должна носить исключительно мирный характер. Отметим, что остальные государства, получившие ноту, не высказали протестов против намерений Шведско-Норвежского королевства аннексировать архипелаг.

Ряд исследователей указывают, что в результате российско-норвежского обмена нотами в 1871–1872 г. определился международный статус Шпицбергена как «terra nullius», а «фактически же вплоть до принятия Договора о Шпицбергене 1920 г. указанная территория находилась в общем пользовании государств. Исторически это выразилось в международной практике мирного экономического и научного использования Шпицбергена, переросшей в обычай, договорно закрепленный в 1871—1872 гг.» [4].

В последней трети XIX века русским властям удалось отразить притязания скандинавов на аннексию архипелага. Но к началу XX столетия делать это было все труднее. В борьбу за Шпицберген включились не только шведы и норвежцы, но и ряд великих держав. Активная хозяйственная деятельность в этих условиях выдвигалась как законное право на владение территорией. Тогда-то и выяснилось, что Россия не может сослаться на этот аргумент: поморские промыслы на архипелаге фактически были свернуты. Вот когда сказались плоды того, что не было правительственной поддержки северных предпринимателей, не было дипломатических прецедентов по заявлению русских прав на архипелаг в более ранние времена и было микроскопическое присутствие русского военно-морского флага в Арктике. В спешном порядке правительство начало предпринимать попытки показать русское присутствие на архипелаге. Но поскольку сил для силового отстаивания интересов не было, то взяли курс на сохранение статуса «ничейной земли» для Шпицбергена и признания преимущественных прав на архипелаг для Норвегии и России. При этом в Петербурге были вынуждены делать вид, что все шаги по экономической деятельности в этом районе организованы исключительно частными предпринимателями. Однако через секретные комитеты и секретные совещания при Совете министров щедро выделялись казенные деньги этим «частным лицам». В результате были организованы две экспедиции на Шпицберген (В. Држевецкого в 1911 году и В. Русанова в 1912 году). Если первая закончилась полным провалом из-за плохой организации, то Русанов блестяще выполнил все задачи и обеспечил России право на целый ряд территорий архипелага, поставив заявочные столбы на угольные участки.

А в 1913 году в России началось активное создание компаний по добыче полярного угля. Выдержали конкуренцию две: «Грумант» и «Русское шпицбергенское акционерное общество». В обоих случаях компании получали правительственные субсидии, отсрочки на начало промышленной добычи, а во главе их стояли высокопоставленные государственные чиновники:

в «Грумманте» – те, кто участвовал в Особом совещании при Совете министров по организации экспедиции Русанова, в РШАО – бывший консул России в Финнмарке. Чтобы поддержать угледобытчиков, правительство постановило «уголь, добываемый на острове Шпицберген (...), признать углем российского происхождения» [5, Д. 150. Л. 38]. Это освобождало компании от уплаты ввозных пошлин.

Активность русских властей объяснялась просто: они оценили геополитическое значение архипелага, о чем прямо заявлялось в Совете министров в 1910 году, когда выработывалась позиция русской делегации на международной конференции по вопросу о статусе архипелага: «По заключению Совещания, значение Шпицбергенских островов для России, прежде всего, стратегическое» [5, Д. 150. Л. 31]. И лишь на второе место правительство ставило хозяйственные интересы: «точно так же и в промышленном отношении Шпицберген, изобилующий рыбными и звериными промыслами, может представлять серьезный интерес» [5, Д. 150. Л. 31]. Важно было любой ценой закрепить российское присутствие здесь. И не просто присутствие, а руководящую роль в решении всех вопросов на архипелаге. В том же 1910 году Совет министров ставил перед дипломатами задачу добиться следующего: «1) Шпицбергенский архипелаг и остров Междвежий признаются никому не принадлежащею территориию, одинаково открытой для промышленной эксплуатации всех народов (...); 2) весь архипелаг объявляется нейтрализованным на вечные времена (...); 3) в основу международных правил, касающихся учреждаемого на архипелаге правопорядка, должно быть положено условие непременного участия делегата Русского Правительства, на равных коллегиальных началах с делегатами норвежским и шведским, во всех органах, которые будут ведать на Шпицбергене судебные и административные дела» [5, Д. 150. Л. 33].

Это удалось сделать: международные конференции, неоднократно собиравшиеся по «шпицбергенскому вопросу» накануне Первой мировой войны, всегда признавали преимущественные права на архипелаг трех стран – России, Норвегии и Швеции и сохранили его статус «терра нуллиус». В 1910, 1912 и 1914 гг. на международных конференциях в Христиании (Осло) все участники согласились с тем, что Шпицберген остается изъятым из сферы государственного суверенитета и остается «terra nullius». Однако при этом был внесен ряд поправок в российско-норвежско-шведский проект соглашения, направленных на усиление «интернационализации» режима архипелага. Последняя из этих конференций закрылась 30 июля 1914 года и должна была возобновить работу 1 февраля 1915 года. Но этому помешала мировая война.

Таким образом, царские власти сумели в неблагоприятной для себя ситуации с вопросом о Шпицбергене в начале XX века (возникшей из-за неадаптивности правителей более ранних времен) сделать максимум возможного и обеспечить преимущественное русское влияние на архипелаге, отстояв его статус «ничейной земли».

В годы первой мировой войны практически все компании свернули свою деятельность на архипелаге. Исключение составили россияне и норвежцы. Так, правление «Грумманта» в январе 1917 года сообщало, что общество вело работы ежегодно, кроме 1916 г. [6, Д. 728. Л. 5]. И

хотя промышленной добычи русские компании так и не начали, но подготовительные работы велись активно. После двух революций 1917 года хозяйственное присутствие россиян на Шпицбергене сохранилось. Так, РШАО «добыло в зиму 1917–18 гг. 10.000 тонн угля» [7, Д. 437. Л. 7]. В апреле 1918 года правление этого общества обратилось в ВСНХ с просьбой о ссуде, предлагая проект поставки в течение ближайших 6 лет 24 млн. пудов угля [7, Д. 517. Л. 15]. Однако в период Гражданской войны архипелаг практически выпал из сферы хозяйствования. Плавания поморов на архипелаг прекратились. «Груммант» и РШАО не распались в годы «русской смуты», но деятельность свою свернули. Правда, с 1919 года общество «Груммант» предприняло попытки возродить угледобычу на архипелаге. Итак, к 1920 году сколько-нибудь значительная экономическая активность на архипелаге отсутствовала у всех будущих участников Парижского договора. И в этих условиях, когда Гражданская война еще не завершилась, перед советским правительством возникла «шпицбергенская проблема».

После окончания Первой мировой войны Норвегия на Парижской мирной конференции вновь предложила вернуться к вопросу о статусе Шпицбергена. Эксперт по международно-правовым вопросам Арктики А.М. Орешенков указывает: «Незначительное по времени постоянное проживание норвежцев на этом архипелаге, выражавшееся, в частности, в том, что большая часть норвежских зимовщиков добывала уголь на земельном участке, принадлежавшем гражданину США Д. Лонгиеру, не подпадало под определение эффективной оккупации и не позволяло требовать на этом основании признания норвежского суверенитета над архипелагом. В этой связи основой требований Норвегии о территориальном приобретении Шпицбергена на Версальской мирной конференции было возмещение потерь, понесенных норвежским торговым флотом в годы Первой мировой войны» [8]. 9 февраля 1920 года Парижская мирная конференция приняла решение о передаче Шпицбергена и острова Медвежий под суверенитет Норвегии. Парижским договором обозначен район действия этого суверенитета: пространство между меридианами 10° и 35° восточной долготы и параллелями 74° и 81° северной широты [9]. Но этот «полный и абсолютный суверенитет» признается лишь «на условиях, предусмотренных настоящим договором» (статья 1). Эти условия:

- a) «Суда и граждане высоких договаривающихся Сторон будут допущены на одинаковых основаниях к осуществлению права на рыбную ловлю и охоту в местностях, указанных в статье 1, и их территориальных водах» (статья 2).
- b) «Граждане всех высоких договаривающихся Сторон будут иметь одинаковый свободный доступ для любой цели и задачи в воды, фиорды и порты местностей, указанных в статье 1, и право остановки в них; они могут заниматься в них, без каких-либо препятствий, при условии соблюдения местных законов и постановлений, всякими морскими, промышленными, горными и торговыми операциями на условиях полного равенства» (статья 3).
- c) «Норвегия обязуется не создавать и не допускать создания какой-либо морской базы в местностях, указанных в статье 1, и не строить никаких укреплений в указанных местностях, которые никогда не должны быть использованы в целях войны» (статья 9).

Как видим, Парижский договор отразил два из трех основополагающих принципов российской дипломатии в отношении архипелага (равноправие всех стран в экономической и иной деятельности и демилитаризация архипелага), кроме вопроса о суверенитете. Как указывают М.В. Буроменский и А.Д. Тимченко, решение Парижской конференции в 1920 года «фактически подтверждало исторически сложившийся обычай общего пользования территорией архипелага в экономических и научных целях» [4]. В отношении россиян была сделана специальная оговорка: «В ожидании того, что признание высокими договаривающимися Сторонами русского правительства позволит России присоединиться к настоящему договору, русские граждане и общества будут пользоваться теми же правами, что и граждане высоких договаривающихся сторон» (статья 10).

Перед Совнаркомом встал вопрос, как защитить российские интересы на архипелаге. И НКВД, и советские дипломаты в Норвегии считали маловероятным пересмотр Парижского договора. Так, торгпред СССР в Норвегии Я. Суриц в письме заместителю наркома иностранных дел М. Литвинову прямо заявлял: «Добиться отмены Парижского договора нам, конечно, не удастся» [10, с. 86]. В ответном письме М. Литвинов указывал: «Особенных притязаний на Шпицберген Россия и раньше не предъявляла, тем менее может предъявлять их теперь, и из всех возможных владельцев Норвегия является для нас самым безобидным. Но поскольку, однако, согласие на присоединение к Норвегии является определенной политической уступкой (...), мы не можем давать своего согласия без некоторой компенсации России» [10, с. 88]. Таким образом, государственная принадлежность архипелага стала «разменной монетой» в борьбе за более высокие для советского правительства цели – дипломатическое признание и заключение торгового договора. И хотя в Наркоминделе с самого начала не видели возможностей защитить территориально-политические притязания россиян на архипелаг, были сделаны резкие заявления в адрес скандинавского соседа. Так, 12 февраля 1920 года была направлена нота правительству Норвегии, где отмечалось, что «ни одно международное соглашение, в котором оно (Советское правительство – А.П.) не участвовало, не обладает для него обязательностью или силою политическою или юридическою» [10, с. 36]. Норвежцы были заинтересованы в том, чтобы избежать обострения с восточным соседом при вступлении во владение архипелагом. Поэтому они все же пошли навстречу советской стороне: после долгих и непростых переговоров Христиания 15 февраля 1924 года официально признала Советское государство. На другой день Советский Союз признал Парижский договор о Шпицбергене. К этому времени уже было подписано 2 сентября 1921 года Временное торговое соглашение между РСФСР и Норвегией. Официально СССР присоединился к Парижскому договору лишь 7 мая 1935 года – после того, как были установлены дипломатические отношения между Вашингтоном и Москвой.

Закрепив свое присутствие на архипелаге, советская сторона в довоенные годы не делала попыток изменить статус Шпицбергена. В ноябре 1940 года во время визита Молотова в Берлин, когда Норвегия была уже под властью Германии, советская сторона вела переговоры лишь о том, чтобы «обеспечить работу нашей угольной концессии» [11, с. 78], а не о пересмотре статуса Шпицбергена. Превращение Норвегии в сателлита фашистской Германии от-

разилось и на архипелаге. В 1941 году на Шпицбергене высадился немецкий десант. Возможность милитаризации архипелага, пусть даже и не по доброй воле Осло, не могла не учитываться Москвой в будущем.

В ноябре 1944 года после освобождения Финнмарка Советское правительство прямо предложило норвежской стороне разорвать Парижский договор и договориться, чтобы Шпицбергенские острова «после отмены Конвенции принадлежали обоим государствам в порядке кондоминиума» [10, с. 363, 364]. Норвежцы дали принципиальное согласие на такие переговоры. Но большего добиться Советскому Союзу не удалось. В 1946 году посол СССР в Норвегии Н.Д. Кузнецов в докладной записке в НКВД СССР отмечал: «Норвежцы, стремясь сохранить эти острова за собой, сделали вопрос о Шпицбергене делом, касающимся всех великих держав, и прежде всего Англии и США» [10, с. 404]. В 1947 году ТАСС выступил с заявлением. В нем, в частности, отмечалось, что в Парижском договоре «совершенно не учитываются интересы безопасности СССР на Севере, так же как и важные экономические интересы Советского Союза» [1, с. 129]. Но Москва не стала активизировать свои усилия в отношении пересмотра статуса Шпицбергена. Советское руководство не хотело давать повода для обвинений в аннексионистских намерениях: такие обвинения могли стать оправданием планов американского присутствия на Исландии и в Гренландии. После вступления Норвегии в 1949 году в НАТО вопрос об изменении статуса архипелага был снят советской стороной. Последнее попытку действий в этом направлении относятся к 1952 году. В условиях развернувшейся холодной войны, в которой арктическим территориям отводилась далеко не последняя роль, для СССР было жизненно важно сохранить тот статус Шпицбергена, который был определен в 1920 году.

Протестов по поводу нарушения условий Парижского договора норвежской стороной Москва направляла после Второй мировой войны в Осло большое количество. Как правило, они были связаны с вопросом о демилитаризованном статусе Шпицбергена. Норвежское правительство в ноте от 1 февраля 1949 года заверило советскую сторону, что никогда не будет проводить политику с агрессивными целями и не допустит размещения на архипелаге иностранных военных баз и ядерного оружия в мирное время. Но следствием вступления Норвегии в НАТО стало включение территории Шпицбергена в его зону, что подчеркнуто в постановлении, принятом норвежским стортингом 19 января 1951 года. По поводу этого постановления Москва выразила свой протест, считая, что оно является нарушением Парижского договора. Но Осло продолжал шаги, которые можно рассматривать как нарушение демилитаризованного статуса архипелага. Это были заходы норвежских военных кораблей в воды Шпицбергена, а также строительство аэродрома, радиолокационной станции и др. О появлении норвежских военных кораблей у берегов архипелага, в частности, сообщала не раз норвежская печать в 70-е годы. Делались не раз попытки обойти положение Договора о демилитаризации архипелага. Так, «в 1977 году Ю. Хольст (известный норвежский политолог, впоследствии министр обороны Норвегии) писал, что Договор не содержит положений по общей демилитаризации архипелага» [4].

Завершая этот обзор истории установления международно-правового статуса Шпицбергена, отметим, что он не имеет аналогов в мировой политике (кроме лишь Договора об Антарктике). Как отмечают А.Н. Вылегжанин и В.К. Зиланов, «суверенитет Норвегии над архипелагом Шпицберген не имеет никакой другой международной основы, кроме Парижского договора 1920 года. Денонсация государствами-участниками Парижского договора означала бы прекращение суверенитета Норвегии над архипелагом» [1, с. 35].

4. Кто хозяин недр островов?

После 1920 года на первый план вышел вопрос о праве и порядке эксплуатации полезных ископаемых на островах. Хотя советская сторона не боролась активно за политическое влияние на архипелаге, то обеспечить свое экономическое присутствие здесь она пыталась весьма активно. Для этого были использованы уже упоминавшиеся компании – «Грумант» и РШАО. В обоих случаях советское правительство стремилось обеспечить свое участие в их деятельности. Компания «Грумант» в 1918 году продала свои заявки группе акционеров, возглавляемой Стемпом, Рабиновичем и Нахимсоном, которые в 1920 году в Лондоне организовали акционерное общество «Англо-Русский Грумант». С 1919 года оно возобновила добычу угля. Это создавало угрозу потери российских шахт на архипелаге, т. к. английские партнеры были сильнее своих российских компаньонов. Поэтому советская сторона приступила к активным действиям. Уже в июле 1920 года СНК принял постановление «О заключении соглашения с Шпицбергенским каменноугольным обществом о совместной эксплуатации каменноугольного месторождения на о. Шпицберген» [12, с. 63]. Это должно было показать заинтересованность Советского правительства в архипелаге и серьезные намерения по эксплуатации его недр. От имени российских граждан и обществ на имя «свальбардского комиссара» К. Синдбалле были поданы требования на владение земельными участками на архипелаге, согласно прежним заявкам. Все шесть российских требований были признаны законными. Это подтверждало право россиян вести добычу угля на архипелаге.

Роль прикрытия для СНК в борьбе за акции угледобывающих компаний на Шпицбергене выполнял трест «Северолес», финансируемый правительством. Сначала он выступил в роли основного покупателя добываемого «Англо-Грумантом» угля. А 10 августа 1923 года трест стал пайщиком этой компании. В 1924 году по договору с компанией он получил безвозмездно «права на эксплуатацию» части угленосных участков. Этот договор утверждался СНК. В связи с этим в СССР было создано общество «Русский Грумант» для изучения горных, промышленных и промысловых богатств Шпицбергена. В 1924 и 1925 гг. к архипелагу совершало рейсы научно-исследовательское судно «Персей». В результате было сделано несколько новых заявок на угольные месторождения. В 1925 году правление треста приступило к покупке акций компании. Начатые в 1928 году переговоры с английскими компаньонами о выкупе их пакета акций затянулись и завершились лишь 12 июня 1931 года. Англичане продали всю свою долю. Расчеты с ними советская сторона вела до 1941 года, заплатив прежним владельцам 69.250 фунтов стерлингов и 7% годовых на невыплаченную сумму [13, Д. 39. Л. 10]. Когда все акции стали советской собственностью, отпала необходимость маскировать уча-

стие Советского правительства в этом вопросе. В итоге 7 октября 1931 года Постановлением № 386 СНК СССР был создан «государственный трест по добыче и сбыту угля и других ископаемых на островах и побережье Северного Полярного моря под названием «Арктикуголь» [14, Д. 508. Л. 92]. В дополнение к шахтам «Англо-Русского Груманта» этот трест приобрел у голландских владельцев еще несколько участков. В итоге ему принадлежали до войны участки Грумант, Баренцбург, Пирамида, Богеман-тундра.

В 50-е годы XX века Норвегия взяла курс на вытеснение с архипелага всех прочих участников Парижского договора, прежде всего – нашей страны. Говоря о политико-правовой линии Норвежского государства в отношении Шпицбергена, бывший Посол России в Норвегии Ю.А. Квицинский отметил, что «на протяжении десятилетий Норвегия ведет здесь хоть и умелую, но довольно рискованную игру с целью превращения своего условного суверенитета над архипелагом в безусловный, выхолащивания Парижского договора (...) и присвоения себе прав, не предусмотренных указанным договором. Эти усилия носят, к сожалению, системный и продуманный характер» [15].

Хозяйственная деятельность стран-участниц Парижского договора на архипелаге регулируется Горным уставом, принятого норвежским правительством в 1925 году. Он относится не только к недрам суши, но и к недрам дна территориальных вод архипелага. Уже после опубликования этого документа советская сторона, как отмечают юристы-международники А.Н. Вылегжанин и В.К. Зиланов, заявляла «о непризнании ряда содержащихся в Горном уставе предписаний о природоохранных мерах, а также о регламентации ведения изыскательских работ и бурении на нефть, археологических исследований» [1, с. 41]. Но эти же авторы подчеркивают: «На практике же, при отсутствии возражений большинства государств-участников Договора, Горный устав Шпицбергена применялся и применяется. Соответственно, в настоящее время пока нет весомых и убедительных международно-правовых оснований считать его разработку и принятие противоречащим Договору о Шпицбергене и по этой причине недействительным или ничтожным» [1, с. 42]. Главное – соблюдается ли на практике принцип равноправия всех участников договора относительно их деятельности на архипелаге, не имеют ли вводимые норвежской стороной правила (прежде всего – природоохранные) стремления дать односторонние преимущества кому бы то ни было. А именно такие обвинения высказываются в адрес Осло. Так, еще в 1973 году консул СССР Г.А. Гребнев отмечал «повышение активности норвежцев в укреплении своих позиций на Шпицбергене: расширение зоны экономической деятельности – строительство новой шахты в Свеагруве, активные поиски нефти и другие мероприятия, дальнейшие шаги ограничения деятельности участников Парижского договора о Шпицбергене путем введения новых законов и правил. Увеличилось внимание к проблемам Шпицбергена со стороны норвежских министров и учреждений, что выражается в значительном росте посещений архипелага различными комиссиями, возглавляемыми министрами и влиятельными политическими деятелями» [13, Д. 292. Л. 58.].

Осложнения в международных отношениях, связанные со Шпицбергеном, продолжаются и в XXI веке. 5 июня 2001 года норвежский Стorting принял закон о природоохранной деятель-

ности на Шпицбергене. Этот закон вместо прежней уведомительной процедуры норвежских властей о возможных новых разработках полезных ископаемых или иной хозяйственной деятельности вводит разрешительный порядок для всех участников экономической деятельности на архипелаге. Историк И.А. Михайлов по этому поводу отмечает: «Норвежский премьер-министр заверил российское руководство, что данный закон не затронет интересов России. Беспокойство, однако, у шахтеров «Арктикуголь», у представителей российской общественности осталось. Некоторые эксперты решение норвежских законодателей расценили как попытку под видом природоохранной деятельности начать вытеснение России со Шпицбергена» [16]. Одновременно это можно расценивать как очередную попытку норвежских высших властей обойти если не букву, то, во всяком случае, дух Парижского договора.

Позиция советской, а затем российской стороны в этих ситуациях была сформулирована достаточно давно и не менялась. Советский консул на Шпицбергене А.А. Рыльников так выразил ее в 1980 году: «Конечно, как это бывает между пограничными государствами, между СССР и Норвегией имеются проблемы, которые ждут своего решения, однако практика показала, что в разрешении этих проблем проявляет заинтересованность не только советская, но и норвежская сторона. Имеются нерешенные вопросы, касающиеся наших двусторонних связей и здесь на Шпицбергене. Мы уверены, что большинство из них может быть разрешено на основе точного выполнения Договора о Шпицбергене 1920 года и Горного Устава 1925 года» [13, Д. 353. Л. 92, 93].

5. Кто владеет биоресурсами архипелага?

С 70-х годов XX века обострился спор о праве на добычу биоресурсов в водах архипелага. Разногласия между Норвегией и некоторыми участниками Договора о Шпицбергене 1920 года наиболее четко юридически обозначились по вопросу о соответствии международному праву введения Норвегией в 1977 году законодательства о 200-мильной рыбоохранной зоне вокруг Шпицбергена. Еще 15 июня 1977 года советское посольство в Осло направило ноту МИД Норвегии, где было указано, что в решении об установлении 200-мильной рыбоохранной зоны вокруг Шпицбергена обращает на себя внимание его «явное несоответствие обязательствам, принятым на себя Норвегией по Договору о Шпицбергене 1920 года. Решение принято норвежским правительством в одностороннем порядке и основывается на внутреннем законодательстве Норвегии, хотя касается особого района, который попадает под действие упомянутого Договора. (...) решение исходит из возможности запрещения Норвегией рыбного промысла остальных участников Договора в этом районе и даже предусматривает нормы наказания в отношении их граждан» [1, с. 131].

Вопрос о правовом режиме морских пространств вокруг Шпицбергена и его природных ресурсах не был решен и в последующие годы. Норвегия демонстрировала намерение обеспечивать выполнение своего законодательства о 200-мильной зоне, а СССР, Исландия и ряд других стран демонстрировали намерение отвергнуть эти притязания как не соответствующие международному праву. «С практической точки зрения поставлен современной экономической деятельностью следующий вопрос толкования Парижского Договора 1920 года:

вправе ли Норвегия запретить всем другим государствам-участникам Парижского договора осуществлять рыболовство в территориальных водах Шпицбергена – или, тем более, во всем районе действия Договора – по причине чрезмерной эксплуатации морских живых ресурсов, например?» [1, с. 46] Широко известны факты задержания российских рыболовных судов в водах Шпицбергена, а также инцидент с обстрелом норвежскими кораблями исландских траулеров в 1994 году и другие подобные случаи. Как отмечают А.Н. Вылегжанин и В.К. Зиланов, «некоторые законодательные меры, водимые Норвегией в одностороннем порядке (заккрытие районов промысла именно для траловых судов, иные ограничения) косвенно предоставляют пользу *только норвежской стороне*. Дело в том, что эти меры не затрагивают в практическом плане норвежский флот: он в эти периоды здесь либо не ведет промысел, либо ведет его ярусами, а не тралами» [1, с. 68].

В 1978 году было заключено «Соглашение между правительством СССР и Правительством Норвегии о совместных мерах контроля за рыбным промыслом и регулирования рыболовства в смежном участке Баренцева моря, прилегающем к материковому побережью Норвегии и СССР». Суть совместного управления состоит в том, что согласовываются единые правила рыболовства и строго контролируется их соблюдение всеми участниками промысла, включая суда третьих стран. Эти правила были сформулированы в «Протоколе о временных правилах рыболовства в смежном участке Баренцева моря» от 11 января 1978 года. Велась переписка о распространении подобного подхода и на район действия Договора о Шпицбергене. Но договоренность об этом не была оформлена. В итоге в 2001 году Россия была вынуждена привлечь военные корабли Северного флота для защиты своих рыбаков в Баренцевом море. После этого силовые действия норвежской береговой охраны против российских траулеров на время прекратились. Но в 2005 году инциденты с задержанием российских и иных судов у Шпицбергена возобновились.

15 сентября 2010 года в Мурманске был подписан «Договор между Российской Федерацией и Королевством Норвегия о разграничении морских пространств и сотрудничестве в Баренцевом море и Северном Ледовитом океане» [17]. Судя по опубликованным картам, морская граница между Россией и Норвегией проходит по восточной линии «шпицбергенского квадрата» в его северной части и отклоняется далее на восток в южной части. Таким образом, Россия уступила соседу часть своей акватории в районе Шпицбергена. Посол Норвегии в России К. Хауге в интервью Интерфаксу назвал этот договор «хорошим, честным компромиссом, который может послать другим странам соответствующий сигнал» [18]. В сообщении прессы Президент России, которое цитирует РИА «Новости», говорится, что сегодняшнее подписание договора «знаменует исторический прорыв в отношениях между Россией и Норвегией» [19].

Но в России раздается и ряд критических высказываний в связи с этим договором. По мнению рыбаков, ученых и специалистов Северного и Западного рыбопромысловых бассейнов России, выраженном в открытом письме Президенту России на сайте Murman.ru, те, кто готовил документ с российской стороны, проигнорировали интересы отечественного рыболов-

ства «в угоду газовиков и нефтяников» [19]. Мурманский ученый-океанолог Г.В. Степахно так комментирует разграничение в спорном секторе Баренцева моря: «Если бы его, условно говоря, поделили пополам по секторальному принципу или традиционному, то пусть бы так и было. Но линию дележа продлили до 85° и практически дезавуировали наши возможности в зоне архипелага Шпицберген. Западнее этой линии юрисдикция России уже не распространяется. В результате наши рыбаки теряют свободу действий для работы в зоне Шпицбергена. Потери рыбаков могут составить 300–350 тыс. тонн рыбы хороших тресковых пород: трески, пикши, палтуса, окуня» [20].

6. Кто владеет шельфом вокруг архипелага?

В начале XXI века в связи с перспективами добычи углеводородов в этом районе приоритет приобретает вопрос о принадлежности шельфа архипелага. Добыча углеводородов в Баренцевом море – одна из наиболее перспективных сфер экономической деятельности в ближайшем будущем в западном секторе Арктики. На современном этапе одним из важнейших аспектов внешнеполитической деятельности Норвегии является комплекс мероприятий, направленных на закрепление за этой страной исключительных прав на природные ресурсы территории морей Арктического региона. Об этом заявил норвежский министр иностранных дел Й.Г. Стёре, выступая 10 ноября 2005 года в университете города Тромсё, когда подчеркнул, что Осло «будет стремиться к международному признанию своих взглядов в отношении архипелага Шпицберген, (...) добычи нефти и газа, а также рационального управления ресурсами» [21]. Первостепенным в этой связи является вопрос о принадлежности и разграничении континентального шельфа.

Вопрос об юридической принадлежности месторождений на дне океана вокруг архипелага представляет интерес для многих государств мира. А.М. Орешенков в связи с этим отмечает: «По мнению норвежских официальных органов, Норвегия установила свою юрисдикцию над шельфом в зоне действия договора о Шпицбергене на основании Королевской резолюции о норвежском континентальном шельфе от 31 мая 1963 года. В основе резолюции – не декларируемые в ее тексте положения международного права, исходящие из того, что государство, устанавливающее юрисдикцию над шельфом, не отягощено какими-либо обязательствами в отношении шельфа (в случае со Шпицбергеном – прилегающих к его сухопутной территории морских пространств, где договор предусматривает добычу полезных ископаемых в соответствии с местными законами) другими международными соглашениями, участником которых оно является. Базируясь на этой недеклалируемой основе, авторы резолюции не дали никаких ссылок на договор о Шпицбергене, не учли в ней его положения и не упоминают в резолюции об архипелаге» [22].

Этот феномен объясняется тем, что у архипелага в момент вынесения Королевской резолюции не было границ территориальных вод, а исходные линии и границы территориального моря используются для отсчета границ континентального шельфа и исключительной экономической зоны (ИЭЗ). Норвегия установила границы «территориального моря» архипелага только в 1970 году, не указав причины, по которым она применяет юридический термин

«территориальное море». При этом в Осло считают, что «у Шпицбергена нет своего шельфа, так как он, согласно этой позиции, представляет собой естественное продолжение подводной части не архипелага, а континентальной Норвегии. В этой связи в пределах границ «норвежского» шельфа, устанавливаемых от базисных линий архипелага, действуют те же нормы, что и на шельфе материковой части страны» [23]. В 1985 году Норвегия ввела в действие в шельфовых пространствах вокруг архипелага национальный нефтегазовый закон, который был разработан для континентальной части этой страны и ее шельфа. На основании этого закона Норвегия в одностороннем порядке ограничила зону действия договора о Шпицбергене пределами суши и территориального моря архипелага.

Площадь пространств в зоне действия Договора о Шпицбергене, режим которых имеет спорный характер, составляет более одного миллиона квадратных километров. Норвегия стремится установить границы «шельфа» и «недискриминационной» рыбоохранной зоны Шпицбергена на запад и восток на основании принципа срединной линии. Однако границу т. н. рыбоохранной зоны в южном направлении (в сторону континентальной части страны) она установила без его учета.

В 2006 году Осло заключил договор с Данией о разграничении между Гренландией и Свальбардом (Шпицберген). Как указывает А.М. Орешенков, «в нем не учтены положения о пространственной сфере действия договора о Шпицбергене». В 2009 году Норвегия получила рекомендации геологов Комиссии ООН относительно установления границ континентального шельфа, отсчитываемых от архипелага. В связи с этим А.М. Орешенков подчеркивает, что «геологи не вправе давать такие рекомендации по установлению границ шельфовых пространств, которые имеют особое международно-правовое положение, определяемое не нормами Конвенции ООН по морскому праву 1982 года, а Парижским договором о Шпицбергене 1920 года» [24]. Попытка разобраться с этими проблемами, предпринятая в июне 2006 года британским внешнеполитическим ведомством, которое собрало экспертов министерств иностранных дел стран-участниц договора о Шпицбергене (без участия норвежского представителя), не дала результатов.

Несмотря на подписанное еще 15 февраля 1957 года «Соглашение между СССР и Норвегией о морской границе между двумя странами», проводимые с 1970 года двусторонние переговоры, до 2010 года не были решены проблемы разграничения экономических зон и континентального шельфа в Баренцевом море между Россией и Норвегией. В 1975 году Норвегия выступила с предложением провести разграничение континентального шельфа по линии, проходящей восточнее границы полярных владений Советского Союза. Таким образом, Норвегия выступила с претензиями на 155 тыс. кв. км советских (российских) морских пространств. Претендовала Норвегия и на 10 тыс. кв. км в качестве своей экономической зоны при выпрямлении на север от «шпицбергенского квадрата» границы полярных владений России. Россия в этом случае теряла бы участок акватории площадью в 25 тыс. кв. км [25].

Договор о разграничении пространств, подписанный в Мурманске 15 сентября 2010 года, по мнению российских официальных лиц, соответствует интересам России. Руководитель Ин-

ститута политического и военного анализа (ИПВА) А. Шаравин заявил: «По договору Норвегии отошла только морская акватория, это дело старое и спорное. И это хорошо, что нам удалось договориться с норвежцами. (...) Как можно судить, все остались довольны. Суть в том, что вопросы по поводу шельфа и Арктики решаются на односторонней и двусторонней основе, и теперь Норвегия сможет нам помочь в урегулировании. Договор с Норвегией – это разумный компромисс, и Россия от этого ничего не потеряла» [18].

Но ряд специалистов считает, что интересы российских нефтегазовых компаний пострадают. Так, в частности, правовед А.М. Орешенков заявляет: «Отсутствие в соглашении о разграничении положений, учитывающих правовые реалии договора о Шпицбергене и норвежского национального законодательства, значительно затруднит возможность строительства российского порта на архипелаге в удобном для наших судоходных компаний месте, также сократит доходы наших государственных нефтегазовых компаний, имеющих законодательно разрешенный доступ к российским шельфовым месторождениям, при обнаружении нефтегазовых залежей на стыке российского шельфа в Баренцевом море и шельфовых пространств вокруг Шпицбергена» [26].

Главный ученый секретарь Кольского научного центра РАН А. Виноградов заявил, «что Россия пошла на слишком большие уступки, согласившись на раздел по компромиссной линии Лаврова–Стере. В 80-е годы мурманские геофизики выявили в пределах спорной зоны геологические структуры, которые могут служить вместилищами для месторождений нефти и газа. Самое крупное куполообразное поднятие получило название «Свод Федынского», и прогнозные ресурсы газа в его пределах были оценены в 5,8 триллиона кубометров. Линия Лаврова–Стере разделила и зону, и свод Федынского примерно пополам» [27].

Еще до подписания договора обозреватель журнала «Эксперт – Северо-Запад» П.М. Прохоров писал, «что России следует сначала договориться с Норвегией о приемлемом для нашей страны статусе 200-мильной акватории вокруг архипелага, затем добиться одобрения такого решения от всех участников Парижского договора, а уже после этого завершить переговоры о морской границе» [28]. Судя по приведенным выше высказываниям, подписание договора не сняло напряженностей и неясностей в российско-норвежских экономических спорах в районе «шпицбергенского квадрата».

Заключение

Таким образом, в начале XXI века район Шпицбергена остается одной из конфликтных зон, где столкнулись интересы многих государств мира, в том числе и расположенных вдали от Северного Ледовитого океана. Поэтому для российской стороны (как, впрочем, и для других стран) в разворачивающейся «битве за Арктику» архипелаг имеет геополитическое значение. К сожалению, активизация борьбы правительства за принадлежность Шпицбергена к России или хотя бы за обеспечение ее преимущественных прав на архипелаге начиналась каждый раз в ситуации вынужденной, когда иностранные государства приступали к экспансии в отношении этой территории. Так было накануне Первой мировой войны, и после ее окончания,

и во время начала холодной войны, и на рубеже XX–XXI вв. Каждый раз российские власти были вынуждены занимать оборонительную позицию, отстаивая статус-кво архипелага.

В настоящее время не урегулирован ряд международно-правовых вопросов, касающихся делимитации пространств между странами, побережья которых выходят к Северному Ледовитому океану; установления границ шельфа прибрежных государств за пределами 200-мильной экономической зоны; а также режима морских пространств и шельфа в зоне действия договора о Шпицбергене. По режиму пространств вокруг этого архипелага отсутствует единство мнений не только между Россией и Норвегией, но и между Норвегией и рядом других участников Парижского договора о Шпицбергене 1920 года. Суть противоречий составляют вопросы использования природных богатств архипелага и прилегающей к нему зоны Баренцева моря, а точнее – право вести свободную экономическую деятельность в этой части Арктики.

В решении спорных хозяйственных политических вопросов по поводу Шпицбергена и прилегающей зоны океана за более чем вековой период сложилась солидная международная нормативно-правовая база, основой которой является Парижский договор о Шпицбергене. «Разрушение этой сложившейся десятилетиями договорно-правовой основы международных отношений между наиболее заинтересованными государствами не отвечает интересам как прибрежных к Баренцеву морю государств – России и Норвегии, так и международного сообщества в целом. Ссылки на двусторонние договоры между СССР/Россией и Норвегией как основания для отступления от «устаревших» положений Договора о Шпицбергене юридически не корректны. Поддержание правопорядка, предусмотренного Договором о Шпицбергене, не противоречит развитию российско-норвежского сотрудничества, нацеленного на рациональное, отвечающее современности управление природными ресурсами Баренцева моря» [1, с. 93]. Но серьезные экономические и политические противоречия между Норвегией и остальными участниками Парижского договора существуют объективно как в «шпицбергенском квадрате», так и на самом архипелаге. Основные из них были упомянуты выше. Какие новые проблемы могут всплыть в этой зоне в связи с растущей борьбой за «передел Арктики» – покажет уже ближайшее будущее. Поэтому точку в споре о Шпицбергене ставить пока еще рано.

Литература

1. Вылегжанин А.Н., Зиланов В.К. Шпицберген: правовой режим прилегающих морских районов. – М.: СОПС, 2006.
2. Зингер Е.М. Между полюсом и Европой. – М.: Мысль, 1975.
3. Тимченко Л.Д. Шпицберген: история и современность. – Харьков: Феникс, 1992.
4. Буроменский М.В., Тимченко Л.Д. Международно-правовой статус Шпицбергена. // Правоведение. – 1990. – № 3. URL: <http://web1.law.edu.ru/magazine/article.asp?magID=5&magNum=3&magYear=1990&articleID=156653>.
5. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1276. Оп. 9.

6. РГИА. Ф. 37. Оп. 67.
7. РГИА. Ф. 92. Оп. 1.
8. Орешенков А.М. История установления государственной принадлежности сухопутных и морских пространств на Крайнем Севере Европы. URL: <http://www.b-port.com/news/archive/2009-10-13-1/>.
9. Договор о Шпицбергене (подписан в г. Париже 09.02.1920). URL: <http://www.bestpravo.ru/fed1991/data05/tex18072.htm>.
10. Советско-норвежские отношения. 1917–1955. – М.: ЭЛИА-АРТ-О, 1997.
11. Директива И.В. Сталина В.М. Молотову перед поездкой в Берлин в ноябре 1940 г. // Новая и новейшая история. – 1995, № 4. – С.78.
12. Под небом Арктики. Архипелаг Шпицберген – прошлое и настоящее. – М., 1988.
13. Государственный архив Мурманской области (ГАМО). Ф.П-17. Оп. 1.
14. ГАМО. Ф. 213. Оп. 1.
15. Квицинский Ю.А., Штодина И.Ю. К вопросу о международно-правовом режиме архипелага Шпицберген и прилегающих вод // Представительная власть. XXI век. – 2007. – № 3. URL: <http://www.pvlast.ru/archive/index.pr383.php>.
16. Михайлов И. Шпицберген. История отечественного освоения архипелага. URL: www.pseudology.org/goroda/Shpitsbergen.htm.
17. Договор между Российской Федерацией и Королевством Норвегия о разграничении морских пространств и сотрудничестве в Баренцевом море и Северном Ледовитом океане. URL: http://news.kremlin.ru/ref_notes/707.
18. Значит договорились? URL: <http://www.arcticuniverse.ru/expert/20101120/00316.html>.
19. Васильев М. Россия отдаст Норвегии часть Баренцева моря. URL: http://news.km.ru/rossiya_otdast_norvegii_chast_ba.
20. Степахно Г.В. Договор о дележке моря – это приговор интересам России. URL: <http://www.sovross.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=587409>.
21. Банько Ю. Арктика: зона сотрудничества или конфронтации? // Север промышленный. – 2008. – № 10–11. URL: <http://helion-ltd.ru/component/content/article/43-q-q/1117-2008-12-16-19-09-03>.
22. Орешенков А.М. Битва за Шпицберген. URL: http://www.ng.ru/energy/2009-01-13/12_Shpitsbergen.html.
23. Орешенков А.М. Баренцево море: регион нерешенных международно-правовых проблем. URL: <http://stroy-press.ru/?id=7929>.
24. Орешенков А.М. Арктический квадрат возможностей. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Arkticheskii-kvadrat-vozmozhnostei-15069>.
25. Барциц И.Н. О правовом статусе российского арктического сектора // Право и политика. – 2000. – № 12. URL: http://library.by/portalus/modules/international-law/print.php?subaction=showfull&id=1095958984&archive=&start_from=&ucat1&.
26. Орешенков А.М. Семь веков борьбы за Арктику. URL: http://morvesti.ru/analytics/index.php?ELEMENT_ID=8847.

27. Делимитация морской границы с Норвегией – удар по российским нефтегазовым интересам. URL: <http://energyfuture.ru/delimitaciya-morskoj-granicy-s-norvegij-udar-po-rossijskim-neftegazovym-interesam>.
28. Прохоров П.М. Россия, Норвегия, Шпицберген – испытание компромиссом. URL: <http://www.regnum.ru/news/1222470.html>.

Рецензент: **Лукин Ю.Ф.**,
профессор, доктор исторических наук

Шпицберген. 2009 год. Фото Порцеля А.К.

Ис-фьорд. Рудники Грумант и Баренцбург.

Баренцбург. Порт. Часовня в память погибших в авиакатастрофе 1996 года.

Баренцбург. Вид на выход из Грин-фьорда в Ис-фьорд.